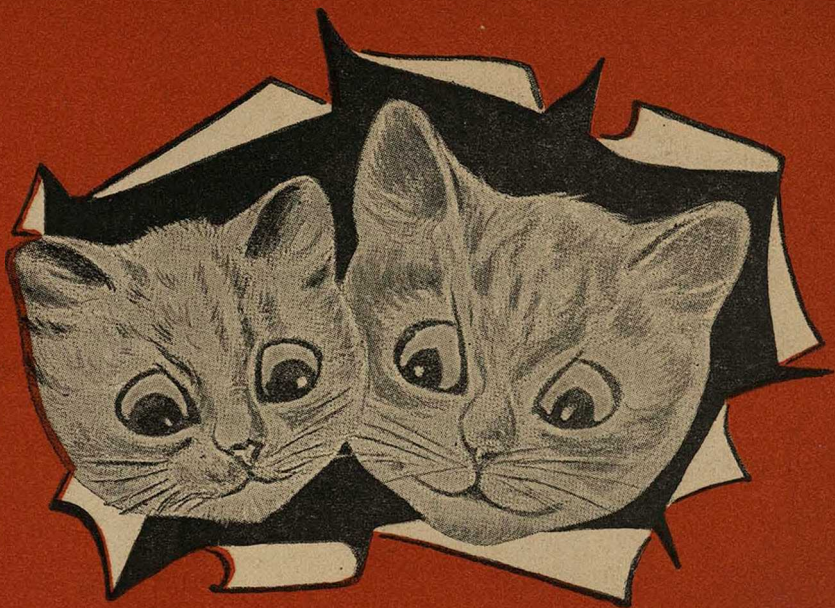

45
10

Годъ изданія второй
ОКТАБРЬ.

№ 24.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

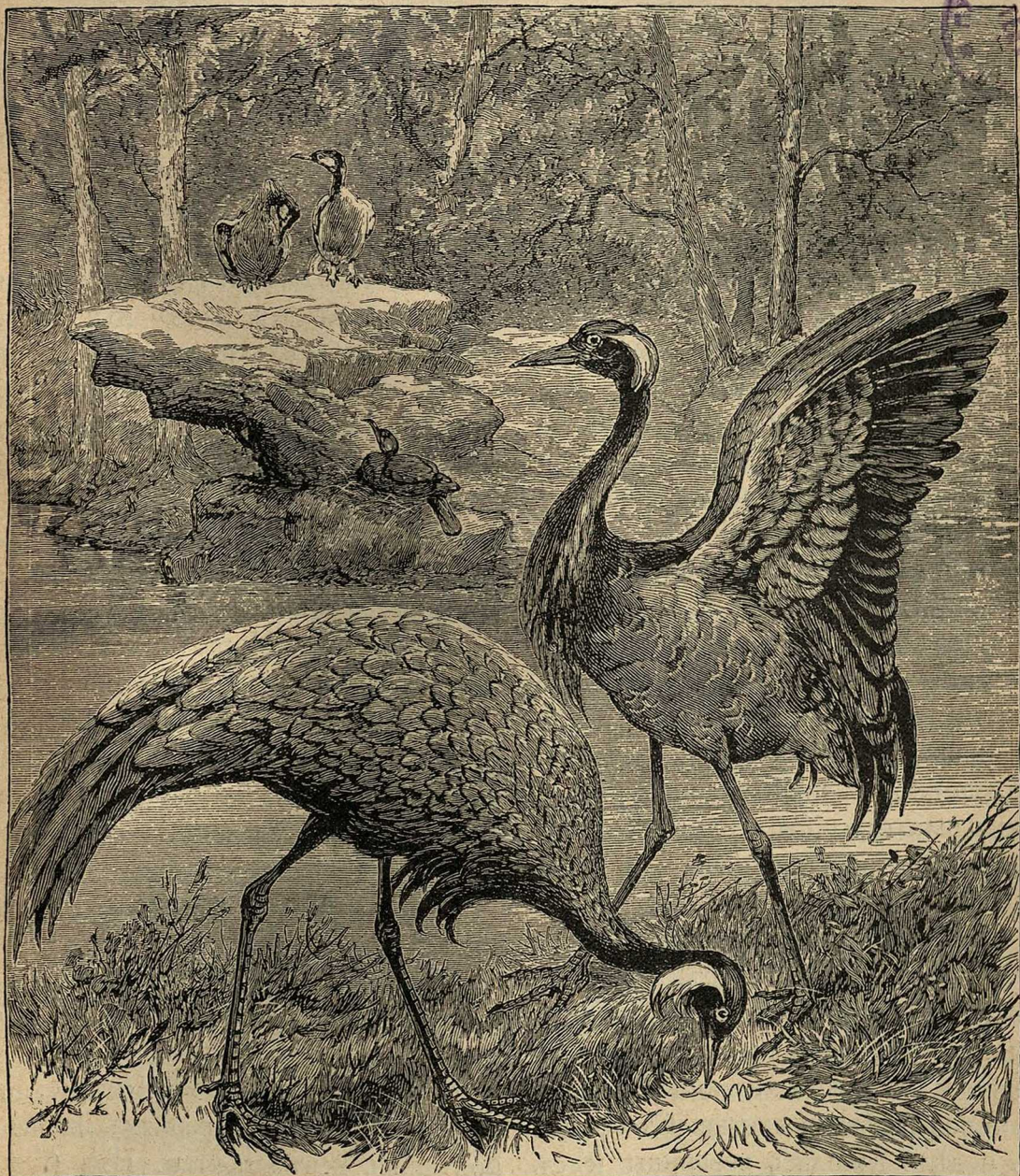
ЖУРАВЛИ.
ОКТАБРЬ.
ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.
ОСЕНЬ.
ВЕЛИКІЙ ПОДВИЖНИКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ тѣни.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Журавли.

ЖУРАВЛИ.

Мое дѣтство протекло на дальнемъ Югѣ. Когда наступала осень, то надъ нашими головами съ утра и до вечера тянулись вереницы перелетныхъ птицъ, которыя летѣли на зиму съ сѣвера Россіи въ Египетъ. Онѣ жалобно кричали, и, глядя на нихъ, мы, дѣти, почему-то жалѣли ихъ и намъ было грустно, что имъ предстоялъ еще такой дальній путь впереди. Нашъ домъ находился на самомъ краю города, такъ что садъ выходилъ уже въ поле. Невдалекѣ отъ насъ плескалось море, и мы перелѣзали черезъ заборъ сада и бѣгали на морской берегъ собирать раковины или плескаться въ водѣ. Моя мама была большая любительница куръ и всегда сама ихъ кормила среди двора, посыпая имъ дорожкой овесъ или пшеницу. Куръ у насъ было столько, что мы не знали имъ счета, и часто, къ нашему удивленію, неожиданно откуда-нибудь появлялась курица и приводила съ собою цѣлый выводокъ цыплятъ, о которыхъ наша мама даже и не подозрѣвала.

Однажды цѣлую недѣлю съ моря дулъ сильнѣйшій вѣтеръ. Онъ все рвалъ и металъ на своемъ пути; волны злобѣще шумѣли, катясь по берегу, и деревья массаи осыпали свои пожелтѣвшіе листья. Съ крыши то и дѣло валились черепицы и съ трескомъ разбивались на части. По

ночамъ жалобно и нудно выли собаки. Наша няня, у которой въ такіе вѣтры всегда болѣла спина, съ трудомъ передвигала ноги и вздыхала.

— Вѣтеръ-то, вѣтеръ-то какой... говорила она.—А птицы уже начали свой перелетъ... Какъ разъ имъ навстрѣчу... Помоги имъ, Царица Небесная, не сбиться съ пути...

Насъ удивляли эти слова няни и, ложась спать, я часто думалъ о птицахъ, объ ихъ пути и о причинахъ ихъ перелета. Зачѣмъ онѣ летятъ? Почему онѣ не остаются въ Россіи, и какъ онѣ могутъ находить себѣ дорогу въ теплые края?

Одну ночь какъ-то особенно сильно дулъ вѣтеръ. Отъ его хлопанья ставнями я просыпался среди ночи не одинъ разъ. Море шумѣло такъ, что, казалось, будто его волны подкатывали прямо къ нашему крыльцу. Когда же настало утро и я сталъ одѣваться, то я услышалъ, какъ нашъ дворникъ, Арсеній, громко кому-то закричалъ:

— Посмотрите, сколько пригнало утокъ!

Я выбѣжалъ на дворъ, затѣмъ въ садъ, и скоро былъ уже на берегу. То, что я тамъ увидѣлъ, заставило болѣзненно сжаться мое сердце. У самага берега, по гребнямъ волнъ, болтались мертвыя утки. Ихъ было нѣсколько десятковъ штукъ—и всѣ

онѣ были мертвы. Ясно было, что, летя черезъ море, онѣ были не въ силахъ бороться противъ встрѣчнаго вѣтра—и всѣ попадали въ воду и утонули.

А няня убирала нашу дѣтскую, кряхтѣла отъ боли и все время вздыхала:

— Бѣдныя уточки!.. Такъ имъ и не довелось увидѣть теплые края!..

Послѣ Арсеній рассказывалъ намъ, что у утонувшихъ утокъ подъ крыльями онѣ видѣлъ опухли съ куриное яйцо. Значитъ, бѣдняжки, такъ усиленно работали крыльями, такъ упорно боролись съ вѣтромъ, что у нихъ даже распухали плечи.

Въ тотъ же день въ нашей мирной жизни произошло цѣлое событіе: надъ нашимъ домомъ очень низко съ жалобнымъ крикомъ пролетѣли журавли и одинъ изъ нихъ, самый задній, отсталъ отъ нихъ и опустился къ намъ прямо на дворъ. Въ это время мама кормила своихъ куръ; увидѣвъ журавля, всѣ куры испугались и съ тревожными криками разбѣжались въ разныя стороны, а журавль степенно подошелъ къ мамѣ и сталъ безбоязненно клевать около нея размоченные для куръ сухари.

— Ахъ, ты мой голубчикъ!.. сказала мама.—Къ намъ счастье принесъ!.. Ну, ѣшь, ѣшь, на здоровье!

Я былъ недалеко отъ мамы и былъ свидѣтелемъ всей этой сцены. Увидѣвъ журавля, я опрометью бросился къ дому и, сколько было силъ, закричалъ:

— Идите сюда скорѣй! Къ намъ прилетѣлъ журавль!

Всѣ выскочили изъ дома и подбѣжали къ мамѣ смотрѣть на невиданную птицу.

Въ это время куры уже успокоились и, хотя и несмѣло, подошли къ корму и тоже стали ѣсть. Журавль не обратилъ на нихъ ровно никакого вниманія и спокойно продолжалъ истреблять моченый хлѣбъ. Затѣмъ, наѣвшись, онѣ широко расправилъ свои крылья, звонко крикнулъ и, взлетѣвъ на воздухъ, описалъ кругъ надъ нашимъ домомъ и снова спустился къ намъ на дворъ.

— Ну, теперь ужъ онѣ навсегда останетъся съ нами, сказалъ Арсеній.—Хотѣлъ-было улетѣть, да раздумалъ... Здѣсь ему лучше... Понравилось.

И дѣйствительно, журавль оглядѣлся вокругъ себя и, несмотря на то, что всѣ мы толпой ходили за нимъ и ожидали, что онѣ будетъ дѣлать, онѣ спокойно сталъ прохаживаться по двору, перешелъ затѣмъ въ садъ и сталъ тамъ щипать траву.

— Оставьте его, дѣти, сказала намъ мама.—Пожалуй, онѣ испугается васъ и улетитъ!

А няня ходила по комнатамъ и говорила:

— Не улетитъ! Разъ ужъ сѣлъ на дворъ,—такъ останетъся на немъ, пока Богъ счастья насъ не лишитъ! Эта птица самая умная, умнѣе всѣхъ!

И, дѣйствительно, няня оказалась права. Съ первыхъ-же дней своего

появленія у насъ, журавль сталъ удивлять насъ своимъ умомъ и своею привязчивостью къ человѣку. Больше, чѣмъ ко всѣмъ намъ, онъ почему-то привязался къ нашему дворнику Арсенію. Стоило только Арсенію утромъ выйти изъ своей каморки, какъ онъ подбѣгалъ къ нему, распускалъ крылья, издавалъ звонкій крикъ и начиналъ передъ нимъ плясать. Отплясавши, онъ снова издавалъ крикъ и отходилъ въ стору. Обыкновенно кормила его мама; но передъ нею онъ почему-то держалъ себя очень степенно и, когда она уходила со двора въ домъ, онъ слѣдовалъ за нею, обходилъ всѣ комнаты, заглядывалъ въ каждый закоулокъ и, завидѣвъ кошку, подходилъ къ ней и, нисколько не боясь ея, начиналъ передъ ней танцовать. Кошка пугалась его и убѣгала, и это повторялось аккуратно всякій разъ, когда журавль попадалъ къ намъ въ домъ. У насъ тогда было фортепіано, на которомъ училась играть моя сестра. Если онъ приходилъ къ намъ въ комнаты, когда она начала разучивать свои гаммы, онъ съ серьезнымъ видомъ подходилъ къ самому фортепіано и, склонивъ голову набокъ, начиналъ слушать. Сестру и насъ это забавляло; мы звали къ себѣ Арсенія и просили его, чтобы онъ заставилъ журавля потанцовать. Арсеній входилъ въ залъ, брался въ боки и начиналъ переступать ногами. Тогда и журавль распускалъ свои крылья и то-

же начиналъ плясать. Мы приходили отъ этого въ восторгъ. Одна только няня высказывала неудовольствие и безъ церемоніи выгоняла Арсенія и журавля на дворъ.

— Нечего вамъ надъ птицей Божьей издѣваться, говорила она.— Не для того она прилетѣла къ вамъ, чтобы вы поднимали ее на-смѣхъ!

Едва только журавль поселился у насъ, какъ на всемъ дворѣ у насъ завелись отмѣнные порядки. Стоило только подраться двумъ пѣтухамъ, какъ журавль былъ уже тутъ-какъ тутъ и, ударомъ клюва по ихъ спинамъ, разгонялъ ихъ въ разные сторуны, и прекращалъ драку. Если выходила на дворъ кошка и на нее бросалась наша собака Фараонъ, и кошка, оцетинившись, собиралась ударить лапами собаку по мордѣ, то это всегда замѣчалъ нашъ журавль. Онъ подбѣгалъ къ нимъ, становился между ними и, быстро размахивая крыльями, прекращалъ ихъ ссору.

Были у насъ три козы и козелъ. Благодаря жгучимъ лучамъ солнца, у насъ часто выгорала лѣтомъ трава и часто нечѣмъ бывало кормить скотъ. Поэтому мама не держала коровы, а завела козъ, такъ какъ онѣ ѣли чрезвычайно мало и питались колючками и сорными травами, которыя росли у насъ въ канавахъ и подъ заборомъ. Эти козы всегда очень волновали нашего журавля тѣмъ, что производили безпорядокъ. Когда козы вспрыгивали на заборъ и бѣгали по нему, какъ акробаты по

канату, то журавль терялъ всю свою степенность, волновался, размахивалъ крыльями и громко кричалъ. Онъ не могъ допустить того, чтобы козы производили безпорядокъ. Дѣло кончалось тѣмъ, что, сдѣлавъ нѣсколько бесполезныхъ прыжковъ, журавль взлеталъ на воздухъ и чувствительными ударами клюва старался согнать козъ съ забора. Когда онъ спрыгивали внизъ, то слеталъ внизъ и онъ и долго затѣмъ хлопоталъ около нихъ, загоня ихъ въ уголокъ двора, гдѣ онъ обыкновенно лежали на солнышкѣ и жевали свою жвачку.

Ко мнѣ ходилъ играть сосѣдскій мальчикъ Коля. Какъ-то онъ игралъ съ нами въ лошадки—и все время журавль бѣгалъ съ нимъ, какъ пристяжная. Но одинъ разъ Коля не доглядѣлъ и больно отдалъ Журкѣ ногу. Журка долго поджималъ ее подъ себя, зато долго и не прощалъ этой обиды Колѣ. Онъ къ нему какъ-то сразу охладѣлъ и затѣмъ никогда уже больше не упускалъ случая, чтобы не ударить его сзади клювомъ въ спину.

Всѣ мы очень любили нашего Журку, и достаточно было намъ собраться вмѣстѣ, чтобы вмѣстѣ съ нами былъ и онъ. Онъ былъ очень общителенъ и всегда искалъ нашего общества. Онъ намъ кланялся, танцевалъ передъ нами, всѣхъ насъ смѣшилъ какою-нибудь глупой выходкой, вродѣ того, что прыгалъ передъ нами на одной ногѣ, но не-

заслуженныхъ обидъ долго не забывалъ и долго старался сдѣлать что-нибудь неприятное своему обидчику. И, въ такихъ случаяхъ, мы были всегда на сторонѣ нашего Журки; справедливость требовала отъ насъ признать, что нашъ журавль былъ смѣль и храбръ, но ни злобы, ни коварства мы въ немъ не замѣчали. Если онъ и награждалъ кого-нибудь изъ людей или изъ нашихъ домашнихъ животныхъ очень чувствительнымъ ударомъ клюва, то это было за дѣло. Всегда въ такихъ случаяхъ былъ виноватъ не журавль, а кто-нибудь изъ насъ или изъ нашихъ животныхъ.

Нашъ Журка ѣлъ у насъ все, что ѣли и мы сами. Больше всего онъ любилъ размоченный въ водѣ хлѣбъ, горохъ и зерна, которыми мама кормила куръ. Но съ такимъ-же аппетитомъ онъ проглатывалъ и попадавшихся ему въ нашемъ саду жуковъ, кузнечиковъ и стрекозъ, а одинъ разъ даже поймалъ лягушку и, прежде чѣмъ ее съѣсть, долго ходилъ съ нею по саду, держа ее за заднюю лапку. Проглотилъ онъ ее сразу, живьемъ, такъ что, вѣроятно, она еще долго шевелилась у него въ зобу.

Этотъ Журка прожилъ у насъ болѣе трехъ лѣтъ, а затѣмъ папу перевели въ Петербургъ и съ нимъ вмѣстѣ переѣхала туда и вся наша семья. Что сдѣлалось потомъ съ нашимъ журавлемъ, я такъ и не могъ въ послѣдствіи добиться толку: вѣроят-

но, онъ улетѣлъ или издохъ. Но память о немъ никогда не покидала меня и, всякій разъ, въ послѣдствіи, слыша въ небѣ грустный крикъ улетающихъ журавлей, я вспоминалъ о немъ и задавалъ себѣ вопросъ:

— Гдѣ-то теперь нашъ Журка?

Затѣмъ я кончилъ курсъ въ университетѣ и поселился въ усадьбѣ въ одной изъ сѣверныхъ губерній. Усадьба находилась въ далекой глуши, среди сѣверныхъ дикихъ лѣсовъ и болотъ, и часто очень недалеко отъ дома, въ которомъ я жилъ, раздавались крики журавлей. Я выходилъ на эти крики и, осторожно, стараясь, чтобы за мной не послѣдовала собака, подходилъ къ болоту и начиналъ наблюдать.

Найти гнѣздо журавля довольно трудно, такъ какъ оно хитро замаскировано разными болотными травами; но разъ удалось его найти, то скоро журавли привыкаютъ къ тому, что на нихъ глядитъ человѣкъ, и перестаютъ его стѣсняться. Такъ случилось и со мной. Но я нашелъ не гнѣздо, а пару журавлей, которые только-что слетѣли на болото и собрались на немъ поселиться. По нимъ-то я и узналъ, какъ они живутъ на свободѣ.

Былъ ранній, еще холодный, весенній день. Болото уже стало зеленѣть и кое-гдѣ изъ него уже показались осока и какая-то еще неизвѣстная мнѣ трава, которую наши мужики называютъ «пырей». На прибрежныхъ кустахъ уже появились

свѣтло-зеленые листочки. Мои два журавля, самка и самецъ, степенно ходили по болоту; но, завидѣвъ меня, грузно поднялись съ него и стали описывать надъ нимъ круги. Замѣтивъ, что я и не думаю уходить, но въ то же время и не стараюсь причинить имъ вреда, они осмѣлѣли, снова спустились на болото и затѣмъ принялись за устройство гнѣзда. На срединѣ болота былъ маленькій островокъ, на которомъ росъ кустъ ивняка. Его-то они и выбрали себѣ для гнѣздовья. Я видѣлъ, какъ они собирали сухіе прутья, листья прошлогодняго тростника и сносили ихъ на этотъ островокъ. Начинаясь сырость, было холодно и я возвратился къ себѣ домой. На слѣдующій день я снова явился къ нимъ, и на этотъ разъ уже съ биноклемъ. Въ него я увидѣлъ, что мои журавли были плохіе мастера по части устройства гнѣзда и дѣлали его совсѣмъ неискусно и грубо, совсѣмъ не такъ, какъ дѣлали ихъ для себя другія птицы. Свое гнѣздо журавли дѣлали почти цѣлую недѣлю и, наконецъ, въ середину его усѣлась самка и снесла два большихъ зеленоватыхъ длинной формы яйца съ красноватыми пятнами и шероховатыя на видъ. Она сѣла на нихъ, посидѣла часа три, въ которые я успѣлъ уже нѣсколько разъ побывать въ усадьбѣ, и затѣмъ ея мѣсто занялъ самецъ. Пока на яйцахъ сидѣлъ самецъ, она входила въ болото, набирала изъ него клювомъ грязь и мазала ею

для чего-то спину и крылья, отчего ея перья рыжѣли. Для чего она это дѣлала почти каждый разъ, какъ ее замѣнялъ на гнѣздѣ супругъ, я такъ и не понялъ. Когда-же на яйцахъ сидѣла самка, то самецъ никогда не отходилъ отъ нея далеко.

На 21 день у моихъ журавлей вывелись птенцы. Это были неуклюжія птицы, покрытыя рыжеватымъ пушкомъ, которыя пищали тоненькими голосками, долго не сходили съ гнѣзда и ждали, когда ихъ покормятъ ихъ родители. А они кормили ихъ каждую минуту. Оба старые журавля—и отецъ, и мать,—какъ мнѣ казалось, брали въ ротъ простую тину и кормили ею своихъ дѣтей. Несомнѣнно, что въ тинѣ находились червячки и головастики, которыми собственно и выкармливались маленькіе птенцы. Бѣли они ужасно много, и отецъ и мать все время проводили только въ томъ, что ихъ кормили. Недѣли черезъ двѣ маленькіе журавли уже вышли изъ гнѣзда и стали такъ-же степенно расхаживать по болоту, какъ и ихъ родители. Отличались они отъ нихъ тѣмъ, что были рыжеватаго

цвѣта, тогда какъ родители ихъ были сѣры.

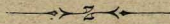
Затѣмъ старики стали учить ихъ летать. Они долго съ пискомъ и курлыканьемъ описывали круги надъ болотомъ и затѣмъ, въ одно прекрасное утро, улетѣли совсѣмъ, и больше я ихъ уже не видѣлъ до осени, когда, въ числѣ другихъ журавлей, они цѣлой стаей пролетѣли низко надъ моей усадьбой и съ жалостнымъ крикомъ «курр...», «курр...» громаднымъ клиномъ, улетѣли въ теплые края.

Я поглядѣлъ на нихъ, вспомнилъ свое дѣтство, того журавля, который когда-то залетѣлъ къ намъ во дворъ и доставилъ намъ столько счастливыхъ минутъ, вспомнилъ о тѣхъ бурныхъ дняхъ, въ которые когда-то погибло въ морѣ столько дикихъ утокъ, и пожелалъ имъ счастливаго пути.

— Прощайте до весны!

Они жалостно кричали въ воздухѣ и хотѣлось думать, что имъ было грустно разставаться съ родными мѣстами и летѣть хотя и въ прекрасныя, но чужія мѣста.

С. Вершининъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ.

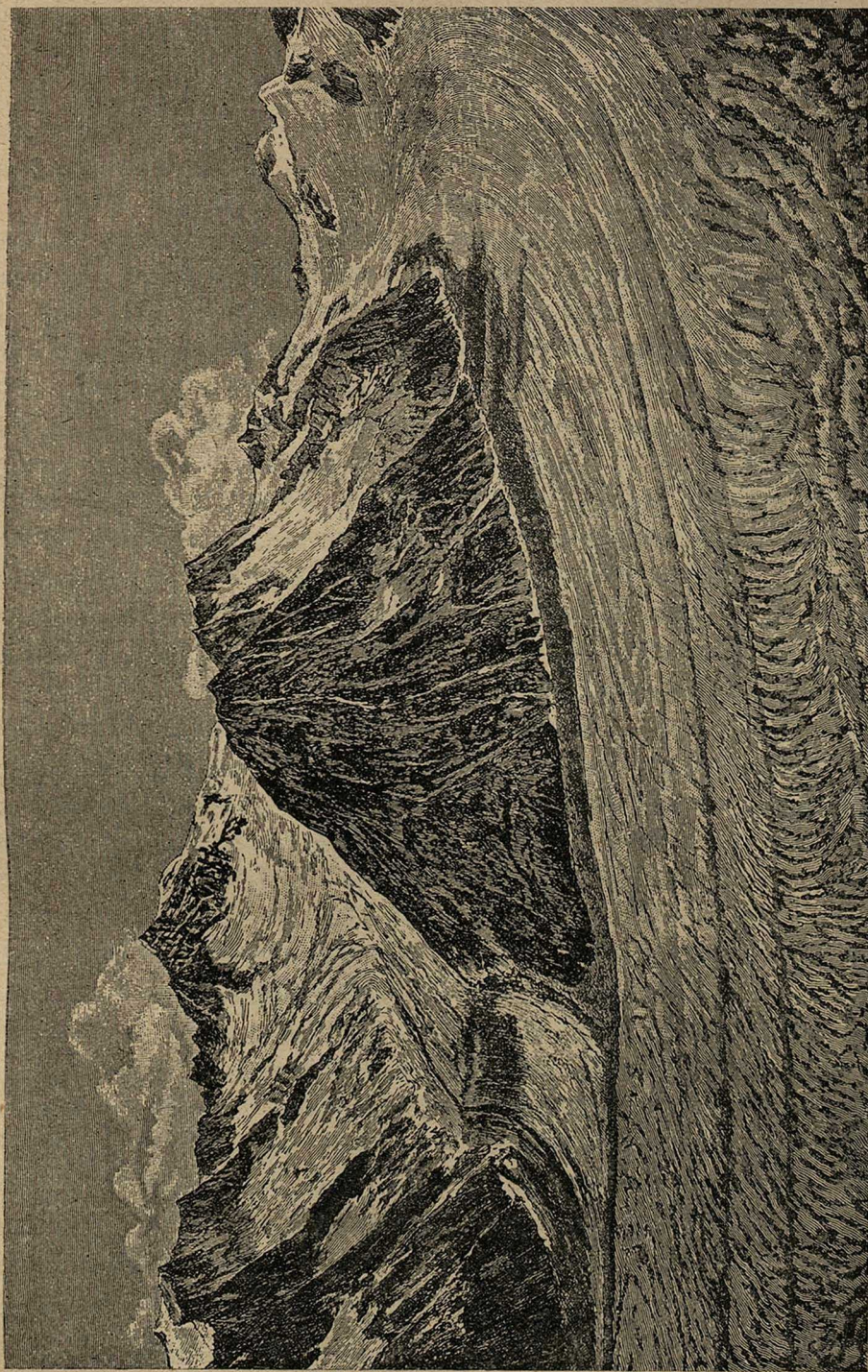
Если ты замѣтилъ въ комъ-либо ошибку, поправь его кротко и укажи ему, въ чемъ онъ ошибся. Если твоя попытка остается безуспѣшна, оставь его въ покое, а продолжай быть кроткимъ. (Маркъ Аврелій).

Покаяніе только тогда дѣйствительно, когда человѣкъ воздержится отъ того, въ чемъ каялся. (Л. Т.).

За двумя зайцами

Альпійскій ледникъ въ Швейцаріи (къ разсказу).

ОКТАБРЬ.

На берегу рѣчушки суетливой,
 Впадающей въ просторъ большой рѣки,
 Порою лѣтнею, счастливой
 Къ намъ иногда являлись рыбаки.
 Ихъ огонька веселаго мерцанья
 Не колебалъ вечерній вѣтерокъ,
 И влекъ къ себѣ невольное вниманье
 Ихъ этотъ скромный огонёкъ.
 Мигали звѣзды внизъ пріятными лучами,
 Казалось небо пестрымъ колпакомъ,
 Кой-гдѣ туманъ виднѣлся надъ полями —
 И было все обласкано тепломъ.
 Цвѣли цвѣты... Какъ яркіе рубины,
 Въ моемъ саду гвоздика и левкой
 Пылали красками; пестрѣли георгины
 И цвѣлъ табакъ душистой бѣлизной.
 Шель ароматъ отъ зелени росистой
 И, сколько было лягушинныхъ силъ,
 Лягушки квакали, и гдѣ-то голосистый
 Соловко звонко трели выводилъ.
 И вотъ всего ужъ нѣтъ!.. Дожди ручьями
 Съ небесъ текутъ... Настали холода,
 Задули вѣтры съ сѣвера, — и ужъ полями
 Пастись не ходятъ тучныя стада.
 Ужъ не цвѣтутъ левкой, георгины,
 Ужъ не горитъ рыбацкій огонёкъ,
 Завяло все и только на рябинѣ
 Еще краснѣетъ ягодокъ пучокъ.
 Не слышно птицъ, лишь робкія синицы
 Да чижики зеленые пищатъ,
 И чуть съ утра проглянетъ лучъ денницы, —
 Какъ на гумнѣ цѣпами ужъ стучатъ...

Кузнечикъ.

ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.

Стоять горы, заходящія за облака. Внизу этихъ горъ зрѣютъ апельсины, рдѣтъ вкусный виноградъ, и красивые дачи и дворцы выглядываютъ изъ пышной зелени садовъ. Загорѣвшія, здоровыя дѣти бѣгають въ коротенькихъ чулочкахъ и съ голыми руками по берегу озера, и весело плещутся въ водѣ. Ласковое солнце грѣтъ ихъ своими лучами, и вся жизнь ихъ протекаетъ на воздухѣ. Прекрасныя душистыя розы цвѣтутъ круглый годъ, и кажется, что здѣсь земной рай и что всѣ люди здѣсь счастливы, и никто не знаетъ страданій.

Но вотъ вы стали подниматься наверхъ. Въ воздухѣ начинаетъ становиться все свѣжѣе и свѣжѣе; горы принимаютъ дикій, угрюмый видъ, начинаетъ попадаться одна только чахлая трава, но скоро и она исчезаетъ. Вы останавливаетесь, чтобы перевести духъ, оглядываетесь назадъ,— и весь тотъ рай, изъ котораго вы вышли всего только часъ тому назадъ, виднѣется гдѣ-то далеко внизу, подъ вашими ногами. Поднявшись вверхъ, вы словно вступили въ совершенно новую страну. Точно изъ пышной Италіи сразу переселились въ далекія страны Сибири. Но вы поднимаетесь еще выше. Лишенная всякой растительности, голая скалы начинаютъ окружать васъ со всѣхъ сторонъ и,

наконецъ, вы попадаете въ область вѣчныхъ снѣговъ. Холодно, какъ зимою, кругомъ все бѣло, и передъ вашими глазами открывается громадное пространство, сплошь покрытое льдомъ. Это—ледникъ. Здѣсь вѣчная зима. Здѣсь дождь уже не идетъ никогда, а выпадаетъ только снѣгъ. Немногіе теплые дни, которые случаются и въ этихъ высотахъ, бываютъ не въ силахъ растопить этихъ снѣговъ, накопившихся здѣсь въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, но подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей снѣга эти превращаются въ ледъ, и онъ цѣлой массой, благодаря своей тяжести, начинаетъ сползать съ вершины горы внизъ. Дойдя до тѣхъ мѣстъ, гдѣ становится уже значительно теплѣе, онъ начинаетъ быстро таять и, въ видѣ водопадовъ и горныхъ потоковъ, срывается въ тѣ мѣста у подошвы горъ, гдѣ зрѣютъ апельсины и гдѣ въ темной зелени деревъ виднѣются лимоны и померанцы. И на сколько прекрасенъ тотъ земной рай, который находится у подошвы этихъ горъ, на столько же величественны и красивы ледники на ихъ вершинахъ. И кто хоть разъ въ жизни видѣлъ эти необозримыя массы льда, голубыя, какъ свѣтлое, голубое небо; кто хоть разъ въ жизни дышалъ чистымъ, свѣжимъ воздухомъ горныхъ вершинъ, тотъ уже никогда въ жизни не забудетъ своего труд-

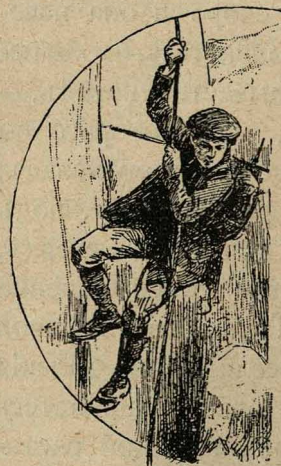
Онъ сунулъ въ ямку узелокъ съ одеждой, кубышку, веревку и сумку съ ѣдой.

наго восхожденія на горы и въ глубокой старости будетъ вспоминать о ледникахъ и рассказывать о нихъ своимъ внучатамъ.

Громадной, сплошной, цѣльной массой ледъ медленно двигается внизъ. На своемъ пути, сползая сверху внизъ, онъ покрываетъ собою пропасти, какъ потолкомъ, и горе тому смѣльчаку, который взберется на этотъ ледъ и провалится сквозь него въ такую пропасть! Его уже не найдутъ никогда. Тамъ онъ найдетъ свой конецъ и, заоченѣвъ отъ холода, разбитый и безъ ѣды, умираетъ одинъ. Но красота ледниковъ и смѣлость побуждаютъ людей взбираться на горы и подвергать себя опасности. Они берутъ съ собою побольше пищи, одѣваются, какъ зимой, привязываютъ себя одинъ къ другому веревкой и отправляются въ путь. И если сквозь ледъ провалится передній, то онъ повиснетъ на веревкѣ,—и задніе его

товарищи вытащатъ его назадъ. И кто бывалъ въ Швейцаріи, гдѣ на высокихъ Альпійскихъ горахъ скопилось много ледниковъ, тотъ видѣлъ не разъ, какъ цѣлыя группы путешественниковъ отправляются въ горы, чтобы посмотрѣть на ледники, и какъ мѣстные крестьяне—швейцарцы—служатъ для нихъ проводниками. Сознавая опасность, эти проводники берутъ съ собою иногда въ клѣткахъ голубей, и когда ихъ постигаетъ несчастный случай и они проваливаются сквозь ледъ и погибаютъ, то голуби прилетаютъ домой и этимъ даютъ знать, что случилось несчастье,—и вся деревня выходитъ спасать погибшихъ.

Такъ было и теперь, когда маленькій швейцарскій мальчикъ Клодъ, пасшій высоко въ горахъ коровъ, возвратясь домой, узналъ, что исчезъ его отецъ. Мальчику было всего только одиннадцать лѣтъ, и каждый

Онъ сталъ спускаться внизъ.

день, едва только восходило солнце, онъ переходилъ отъ хижины къ хижинѣ своего селенія, собиралъ въ стадо всѣхъ коровъ и гналъ ихъ пастись высоко въ горы, гдѣ на неприступныхъ стремнинахъ роптали своими

вершинами вѣковья сосны. Онъ былъ всегда веселъ, всегда пѣлъ, любилъ свѣжій утренній вѣтеръ, набѣгавшій къ нему съ ледниковъ, и всегда жадно вдыхалъ въ себя аромат полевыхъ цвѣтовъ, которыми пестрѣли скаты горъ. Внизу подъ нимъ широко разстилалась цвѣтущая долина Роны съ массой великолѣпныхъ дачъ, которыя ярко блистали своими крышами, а наверху сверкали вѣчные снѣга и отливаль голубымъ цвѣтомъ ледникъ, начавшій уже спускаться внизъ. Клодъ весело распѣвалъ свои пѣсни, а уставъ пѣть,—разговаривалъ со своимъ стадомъ или начиналъ играть съ собакой, которая понимала его, какъ челоувѣкъ. Звали ее—Дюкъ.

Отецъ Клода былъ проводникъ. Лѣтомъ, когда въ Швейцарію съѣзжались иностранцы, онъ водилъ ихъ къ самому леднику, блиставшему на солнцѣ, какъ милліоны брилліантовъ, и получалъ отъ нихъ за это деньги. Зимой онъ охотился на сернь. И все время, пока его не было дома, а Клодъ пасъ свои стада, мать Клода пряла свою пряжу или вязала фуфайки и чулки.

Однажды, вечеромъ, Клодъ возвратился со своимъ стадомъ домой и засталъ свою мать всю въ слезахъ.

— Твой отецъ еще не возвращался, сказала она;—вотъ уже третій день, какъ онъ повелъ пріѣзжихъ англичанъ къ леднику, и о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

И она снова залилась слезами.

— Зачѣмъ ты такъ беспокоишься,

мама? обратился къ ней сынъ.—Посмотри, погода—великолѣпна, на небѣ ни облачка, на ледникѣ тумана нѣтъ... Чего-же ты боишься? Отецъ придетъ!

Но мать покачала головой.

— Сегодня ночью, сказала она,—я долго не спала и вдругъ услышала, какъ какая-то птица стала биться ко мнѣ въ окно... Это навѣрное голубь, котораго выпустилъ твой отецъ...

— Нѣтъ, мама, постарался успокоить ее Клодъ.—Это тебѣ такъ показалось. Еще третьяго дня всѣ наши голуби были на-лицо...

— Значитъ, это какая нибудь другая птица, которая прилетѣла, чтобы предупредить меня о несчастіи...

Когда они подходили къ деревнѣ, то всѣ ихъ односельчане высыпали къ нимъ навстрѣчу.

На слѣдующій день отецъ опять не приходилъ, а затѣмъ прошли еще два дня, каждая минута которыхъ увеличивала безпокойство матери Клода, а отъ пропавшаго все еще не приходило никакой вѣсти. Сталъ волноваться и самъ Клодъ.

— Не надо отчаеваться, говорилъ онъ самъ себѣ.—Кто знаетъ? Быть можетъ, отецъ сбился съ дороги, зашелъ въ какой-нибудь шалапъ и тамъ выжидаетъ, когда его англичане отдохнутъ и снова отправятся въ путь. А быть можетъ кто-нибудь изъ нихъ и заболѣлъ. Помнишь, мама, какъ, два года тому назадъ, папа не возвращался съ ледника цѣлую недѣлю?

— Нѣтъ, нѣтъ! вздыхала мать.— Онъ больше не придетъ. Я предчувствую несчастье... Сегодня ночью опять прилетала къ моему окну какая-то птица и просилась ко мнѣ въ комнату. Я отворила окно, зажгла огонь и увидала, что это голубь, но только уже другой...

— Нашъ? съ тревогой спросилъ Клодъ.

— Да, нашъ...

Тогда Клодъ испугался не на шутку. Онъ взялъ свою мать за руку, вышелъ съ ней въ деревню и рассказалъ своимъ сосѣдямъ о томъ, что ее такъ волновало. Скоро вокругъ нихъ собрались старики и молодежь и стали на разные лады объяснять исчезновеніе отца Клода и его путешественниковъ-англичанъ.

Затѣмъ было рѣшено отправить

кого-нибудь къ леднику на поиски за пропавшими. Четыре молодыхъ человека, сильные и привыкшіе къ горамъ, вызвались идти на помощь. Они знали весь ледникъ, какъ свои пять пальцевъ, и не боялись ни пропастей, ни снѣжныхъ бурь. И всѣ признали, что лучшихъ людей для поисковъ и не найти.

Это было утромъ. Солнце окрашивало снѣга на вершинахъ горъ въ свѣтло-розовый цвѣтъ и всѣ деревья и кустарники въ селеніи оглашались радостнымъ крикомъ птицъ. Вся деревня вышла проводить этихъ молодыхъ людей: мужчины, женщины, дѣти не отставали отъ нихъ вплоть до тѣхъ самыхъ поръ, гдѣ кончалась уже тропинка и начинались суровыя, неприступныя скалы. Затѣмъ всѣ они простились съ ними, пожелали имъ счастливаго пути и возвратились обратно. А смѣльчаки поднялись выше въ горы и скоро исчезли изъ виду, унося съ собой всѣ надежды Клода и его матери.

Прошло два дня, но не возвратились и они. Каждое утро и каждый вечеръ Клодъ въ сопровожденіи другихъ пастуховъ выходилъ къ нимъ навстрѣчу далеко въ горы, къ тому самому мѣсту, гдѣ кончалась растительность и начинались вѣчные снѣга, но напрасно: они не появлялись. Клодъ и его спутники кричали имъ, но вѣтеръ разносилъ ихъ голоса и только одно эхо отвѣчало имъ изъ ущелій.

Удивленіе въ деревушкѣ смѣнилось

страхомъ; всѣ спрашивали другъ друга, задавали вопросы и уже не скрывали своихъ опасеній. Неужели погибли и эти четверо молодыхъ людей, какъ погибъ отецъ Клода и его англичане? Что съ ними приключилось? Неужели они свалились въ пропасть? Но вѣдь они знали свои родныя горы еще съ дѣтскихъ лѣтъ и каждая тропинка, каждый камень были имъ отлично извѣстны! И всѣ въ удивленіи разводили руками.

Одна только мать Клода не удивлялась. Она сидѣла у себя дома, пряла у окна и не разговаривала ни съ кѣмъ. Только одну фразу слышала отъ нея ея сынъ:

— Недаромъ къ намъ ночью прилеталъ нашъ голубь! Нѣтъ, они не возвратятся, они погибли!

Со слезами на глазахъ, закрывъ руками лицо, Клодъ сидѣлъ за столомъ и думалъ о страшной тайнѣ, которая повергла въ печаль ихъ домъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему до сихъ поръ никто изъ ушедшихъ не вернулся? Вѣдь всѣ они по тысячѣ разъ уже взбирались на ледникъ! Да и самый ледникъ въ это время года былъ совершенно безопасенъ: на немъ не было ни тумановъ, ни свирѣпыхъ вьюгъ... Такъ что-же бы это было?

И чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этой тайнѣ, тѣмъ болѣе она приводила его въ трепетъ. Горы стали казаться чудовищами, поѣдающими людей, чѣмъ-то такимъ, о чемъ разсказывается въ сказкахъ. И вдругъ имъ овладѣло страстное желаніе припод-

нять эту мрачную завѣсу и самому разгадать эту тайну горъ.

Тѣмъ временемъ въ деревнѣ собиралась уже вторая партія смѣльчаковъ, которые хотѣли отправиться на поиски за пропавшими безъ вѣсти. Теперь уже она состояла изъ десяти человѣкъ. Это были лучшіе храбрецы всей деревни. Клодъ сталъ просить ихъ взять его съ собой, но они отказались.

— Ты еще молодъ, сказали они:— предоставь намъ идти однимъ, и ты увидишь, что скоро мы приведемъ къ тебѣ твоего отца.

— Но почему-же вы не хотите взять и меня съ собою? отвѣтилъ Клодъ.—Я умѣю ходить по горамъ и пропасти меня не пугаютъ... Я ужъ видѣлъ ихъ не разъ...

Но они отказались наотрѣзъ, и онъ молча, опустивъ голову, побрелъ къ себѣ домой.

«Я знаю, что мнѣ дѣлать», подумалъ онъ,—и сердце его забилося отъ радости.

Прійдя домой, онъ отперъ шкафъ, въ которомъ висѣла горная одежда его отца, и взялъ оттуда все, что казалось ему необходимымъ. Затѣмъ онъ наполнилъ кубышку водой, уложилъ въ сумку побольше провизіи, и, захвативши съ собою длинную горную палку съ крючкомъ и веревку, ночью, тайкомъ, вышелъ изъ деревни и черезъ спавшую улицу направился прямо къ тропинкѣ, ведущей къ леднику. Пройдя черезъ сосновый лѣсъ, онъ остановился у того

Что-то очень вкусное.

Гонгъ-Конгъ въ Китаѣ. Принадлежитъ англичанамъ; 300 тысячъ жителей;
главные предметы торговли — хлопцы и рисъ.

мѣста, гдѣ начинался подъемъ въ горы, отыскалъ въ темнотѣ стволъ недавно срубленнаго дерева и сталъ его сдвигать съ мѣста. Бревно было толстое и тяжелое, такъ что понадобилось много усилій. Но Клодъ былъ силенъ и сдвинулъ дерево съ мѣста. Подъ нимъ оказалась дыра. Онъ сунулъ въ нее узелокъ съ одеждой, кубышку, веревку и сумку съ ѣдой, и тѣмъ-же порядкомъ завалилъ дерево обратно и, довольный, возвратился къ себѣ домой.

Утромъ, едва только занялась заря, онъ былъ уже на ногахъ. Вся деревня тоже пробудилась и высыпала провожать въ горы своихъ смѣльчаковъ. И едва только встало солнце, какъ всѣ двинулись до тропинки въ ледникъ, пожали руки отправившимся въ путь, пожелали имъ счастливаго успѣха, повздохали, поговорили и возвратились обратно по своимъ домамъ.

Одинъ только Клодъ не вернулся домой. Онъ выждалъ, когда у тропинки не оказалось уже никого, подошелъ къ бревну, отвалилъ его, досталъ изъ-подъ него свои пожитки и, одѣвшись въ теплое платье и захвативъ съ собою ѣду и питье, отправился въ горы на поиски отца. Все время, не теряя изъ виду десятыхъ смѣльчаковъ и идя по ихъ слѣдамъ, онъ поднимался за ними въ горы и старался дѣлать такъ, чтобы они его не замѣчали.

— «Такъ я узнаю тайну горъ», думалъ онъ.—«Все время я буду идти

сзади нихъ, и если съ ними что-нибудь случится, то я увижу это и буду знать, что мнѣ нужно дѣлать потомъ. Если они свалятся въ какую-нибудь пропасть, которой не подозревали вовсе, то я сбѣгаю домой и позову къ нимъ на помощь!

И онъ шелъ, съ рѣшимостью преодолевая всѣ препятствія на пути, перепрыгивая съ утеса на утесъ, какъ серна. Шагъ за шагомъ онъ слѣдовалъ за людьми, и они его не замѣчали. Но скоро онъ сталъ отъ нихъ отставать. Показался снѣгъ, сперва въ расщелинахъ и трещинахъ между утесовъ, а затѣмъ сталъ появляться все больше и больше, и наконецъ снѣжная равнина бѣлой скатертью протянулась передъ его глазами.

Вотъ уже и ледникъ. Клодъ взглянулъ на него и не могъ двинуться отъ восторга. Стѣны льда, вышиной съ десятокъ городскихъ домовъ, поднимались передъ его глазами; необычайной глубины трещины разверзались подъ его ногами; причудливыя ледяныя фигуры, напоминавшія то какой-нибудь старинный замокъ, то сборища людей, а то какихъ-то фантастическихъ животныхъ, окружили его со всѣхъ сторонъ, и все это было покрыто массою блестокъ, сверкавшихъ, какъ брилліанты, и было окрашено въ удивительный, прозрачный, свѣтло-голубой цвѣтъ.

«Теперь я понимаю», подумалъ Клодъ, — «почему иностранцы такъ любятъ глядѣть на наши Альпійскіе ледники!»

И все еще, не теряя изъ вида впереди десятерыхъ человѣкъ, ставшихъ теперь маленькими черными точками на бѣлой поверхности безграничной снѣжной равнины, онъ шагъ за шагомъ старался слѣдовать за ними и, по возможности, отъ нихъ не отставать.

Вдругъ Клодъ остановился, какъ вкопанный. Всѣ десять человѣкъ исчезли. При этомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ они исчезли, не было видно ни пропасти, ни скаль, точно земля разверзлась подъ ними и проглотила ихъ. Клодъ не слышалъ ни ихъ криковъ, ни треска льда: — вся равнина по-прежнему оставалась молчаливой.

«Что-бы это значило?» съ тревогой подумалъ Клодъ.

Онъ протеръ себѣ глаза и бодро отправился къ тому мѣсту, гдѣ исчезли люди. Когда онъ дошелъ до него, то вдругъ льдина, находившаяся подъ его ногами, стала опускаться внизъ. Въ испугѣ онъ отскочилъ назадъ. Несомнѣнно, именно здѣсь должна была заключаться та тайна, которая такъ его интересовала. Онъ выбрался на твердое мѣсто и сталъ наблюдать. Громадная льдина въ своемъ движеніи внизъ всползла на остроконечную скалу и остановилась на ней, какъ на шпигцѣ, закрывъ собою пропасть. И стоило только хоть одной ногой встать на эту льдину, какъ она теряла равновѣсіе, подавалась подъ тяжестью человѣка внизъ, и онъ падалъ въ пропасть. Но Клодъ еще этого не зналъ.

«Что-же теперь дѣлать?» подумалъ онъ.

Опершись на свою палку, онъ сталъ рѣшать, какъ ему быть, какъ вдругъ раздавшійся невдалекѣ лай заставилъ его вздрогнуть. Онъ обернулся и увидалъ свою собаку Дюка, которая со всѣхъ ногъ бѣжала къ нему по льду.

Не видя около коровъ своего хозяина, она поняла въ чемъ дѣло, разыскала его слѣдъ, и побѣжала за нимъ вдогонку. Найдя Клода, она съ ласковымъ визгомъ стала бросаться на него, стараясь лизнуть его въ лицо, и смотрѣла на него такъ, какъ можетъ смотрѣть только преданная собака.

— Ну, довольно, довольно! крикнулъ ей Клодъ.—Успокойся! Не до тебя тутъ...

Тогда собака стала весело бѣгать вокругъ своего хозяина, и ея веселый лай сталъ раздаваться далеко въ окрестныхъ вершинахъ горъ. Какъ вдругъ она остановилась, вся задрожала и натопорщила шерсть. Затѣмъ, выбравъ прочную точку опоры, она твердо стала на всѣ четыре ноги и начала громко, со страхомъ выть.

Съ большою предосторожностью Клодъ подошелъ къ ней и замѣтилъ, что мало-по-малу ледъ сталъ опускаться подъ ней, подо льдомъ сталъ показываться какой-то подземный ходъ и, несмотря на всѣ старанія собаки выкарабкаться наверхъ, она безнадежно стала сползать куда-то внизъ. Клодъ испугался и, чтобы и

самому не свалиться туда-же, сдѣлалъ два шага назадъ. Теперь онъ понялъ тайну ледника. Эта льдина находилась на остромъ утесѣ въ равновѣсїи и, не выдержавъ тяжести собаки, спустила ее внизъ.

Не попали-ли туда-же и его отецъ, англичане и тѣ люди, которые вышли ихъ искать? Живы-ли они тамъ? И что тамъ такое подъ этимъ льдомъ? Съ ужасомъ Клодъ бросился помогать своей собакѣ выбраться на берегъ, но она скрылась такъ, точно провалилась сквозь землю, льдина снова стала на свое мѣсто и края ея соединились со всей равниной, и получилось такое впечатлѣніе, точно на поверхности ледника ничего не произошло. Только маленькій кусочекъ льда отломился отъ льдины, когда она провалилась подъ собакой, и на томъ мѣстѣ образовалась небольшая дырочка. Клодъ осторожно подошелъ къ ней и заглянулъ въ нее. Покатая плоскость вела куда-то внизъ, въ самую утробу горъ. Но тамъ вовсе не было темно и сѣдыя сумерки указывали на то, что въ эту бездну откуда-то съ другого мѣста проникалъ свѣтъ. Ясно, что въ эту пропасть существовалъ гдѣ-то другой входъ, но гдѣ?

Полагая, что отецъ и его спутники должны находиться именно здѣсь, Клодъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, спуститься въ эту пропасть. Онъ зналъ, что рисковалъ своею жизнью, что изъ этой пропасти, быть можетъ, ему уже не выбраться никогда, но

смѣлость и отвага овладѣли всѣмъ его существомъ и онъ сталъ приготовляться къ спуску.

Онъ крѣпко привязалъ одинъ конецъ веревки къ торчавшему изъ-подъ льда утесу, а затѣмъ, обмотавъ вокругъ себя другой конецъ веревки, осторожно сталъ на льдину, она подалась подъ нимъ и онъ сталъ спускаться внизъ. Веревка все развивалась и развивалась вокругъ него; онъ летѣлъ внизъ съ головокружительной быстротой и не чувствовалъ ни холода, ни снѣга, который срывался сверху и обсыпалъ его своими острыми, сухими иглами, пока наконецъ не очутился въ глубокой тѣмѣ и ноги его не оперлись обо что-то твердое и неподвижное. Полагая, что онъ достигъ дна провала, онъ потоптался на мѣстѣ, отвязалъ себя отъ веревки, которая продолжала висѣть сверху внизъ, и ощупью отправился дальше. Здѣсь долженъ быть его отецъ и онъ долженъ его найти и вынести его на воздухъ. Клодъ все шелъ и шелъ впередъ, ощупью отыскивая себѣ дорогу, и гдѣ-то вдалекѣ замерцалъ передъ нимъ свѣтъ. Онъ направился къ этому свѣту и скоро увидалъ выходъ изъ своего подземелья. Съ душевной тревогой, весь дрожа отъ таинственности своего приключенія, онъ добрался до этого выхода и выглянулъ изъ него. Яркій свѣтъ солнца озарялъ все вокругъ, и Клодъ увидѣлъ, что находился на днѣ громаднаго природнаго колодца, въ которомъ еще ни-

когда не ступала человѣческая нога. Высокими отвисшими стѣнами со всѣхъ сторонъ его громоздились горы и вершины ихъ заходили за облака. Самое небо наверху казалось маленькимъ голубымъ пятномъ. Ослѣпленный свѣтомъ солнца, свѣтившимъ прямо въ этотъ колодець, Клодъ закрылъ глаза и вдругъ, точно изъ подземелья, до него донесся радостный лай его собаки.

Онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и со всѣхъ ногъ бросился туда, откуда доносился этотъ лай. Съ своей стороны и Дюкъ кинулся къ нему навстрѣчу, а затѣмъ, не помня себя отъ восторга, Клодъ услышалъ человѣческіе голоса, побѣждалъ на нихъ и вскорѣ увидалъ цѣлую толпу людей. Среди нихъ былъ его отецъ, который протягивалъ къ нему свои руки, и съ нимъ были его англичане, которые отъ радости кричали ему что-то такое, чего онъ не могъ понять.

— Клодъ, Клодъ! кричалъ ему отецъ.—Какъ ты сюда попалъ?

— Клодъ, кричали ему всѣ остальные,—неужели ты нашелъ отсюда выходъ?

Клодъ собралъ ихъ всѣхъ въ кружокъ и рассказалъ имъ, какъ онъ шелъ по леднику и случайно узналъ его роковую тайну. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и пожимали ему руки.

— Выходъ отсюда свободенъ, сказалъ наконецъ Клодъ.—Пойдемте теперь домой!

Они молча послѣдовали за нимъ. Онъ ввелъ ихъ въ пещеру, провелъ ихъ черезъ нее и въ сумракѣ отыскалъ свѣшивавшуюся сверху веревку, и предложилъ каждому изъ нихъ поочередно взбираться по ней наверхъ.

Они стали подниматься и скоро снова очутились на снѣжной равнинѣ. Тогда, полные благоговѣнія, всѣ они опустили на колѣни и стали молиться. Теперь они были спасены.

— Безъ тебя мы умерли-бы съ голоду и отъ жажды, обратился къ Клоду отецъ, отирая полные слезъ глаза послѣ горячей молитвы.—То мѣсто, куда мы попали, только и имѣетъ одинъ выходъ на свѣтъ Божій, но и его завалила собою эта ледяная глыба.

— Мы сдѣлаемъ тебя богатымъ! сказали ему Англичане.

Но Клодъ молчалъ и ему не нужно было ничего. Онъ былъ доволенъ уже и тѣмъ, что такъ чудесно спасъ отца и столькохъ людей.

Когда они подходили къ деревнѣ, то всѣ ихъ односельчане высыпали къ нимъ навстрѣчу и не вѣрили своимъ глазамъ. Всѣ считали ихъ уже погибшими.

А затѣмъ начался всеобщій праздникъ: пѣли, плясали, пили пиво и вино, и цѣлые два дня носили Клода на рукахъ и качали.

Ему было неловко и онъ изъ скромности опускалъ глаза и краснѣлъ, когда его хвалили.

Онъ.

ОСЕНЬ.

Съ вѣтокъ листься всѣ опали,
Дождикъ льетъ съ утра,
Дни темнѣй, короче стали...
Скучная пора!

Въ теплый край ужъ улетѣли
Съ крикомъ журавли...
Голо все и только ели
Хмурятся вдали.

Не растутъ деревья пышно,
Не цвѣтутъ цвѣты,
Птицъ въ лѣсу уже не слышно
И поля пусты.

Грязь и лужи по дорогѣ,
Въ три часа ужъ тьма...
Подожди еще немного —
Скоро и зима.

Ирисъ.

ВЕЛИКІЙ ПОДВИЖНИКЪ.

3-го мая 1319 года у жившихъ въ Ростовѣ бояръ Кирилла и Маріи родился сынъ Варѣоломей. Когда мальчикъ достигъ школьнаго возраста и его надо было учить, то онъ не оказалъ блестящихъ успѣховъ: грамота ему вовсе не давалась. Онъ не былъ лѣнивымъ, учился очень охотно, и очень скорбѣлъ о томъ, что не могъ читать. Но дѣлать было нечего. Старшій его братъ Стефанъ уже давно читалъ и писалъ и зналъ всѣ тогдашнія науки и тѣмъ было обиднѣе для родителей Варѣоломея, что ихъ младшій сынъ останется необразованнымъ.

Но случилось совсѣмъ иначе.

Однажды отецъ послалъ Варѣоломея въ лѣсъ поискать лошадей. Въ

то время лошадей не спутывали во все, а вѣшали имъ на шею желѣзные колокольчики и прямо выпускали ихъ пастись, куда глядѣли ихъ глаза. Часто лошади заходили очень далеко отъ дома въ лѣсъ и ихъ разыскивали по звуку колокольчиковъ. Такъ случилось и теперь. Взавши кнутикъ, Варѣоломей пошелъ въ лѣсъ и сталъ прислушиваться, не услышитъ-ли гдѣ-нибудь лошадей? Какъ вдругъ онъ увидаль у одного большого дерева темную фигуру. Онъ подошелъ къ ней и увидаль, что это стоитъ на колѣняхъ какой-то старецъ и молится Богу.

Мальчикъ остановился около старца, выждалъ, когда тотъ кончилъ молиться, и ласково сказалъ ему:

— Попроси у Бога, чтобы я сталъ хорошо учиться.

Старецъ помолился, благословилъ его и далъ ему кусочекъ просфоры. Затѣмъ они разговорились. Мальчикъ со вниманіемъ слушалъ все, что говорилъ ему старецъ, и затѣмъ сталъ просить его, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ его родителямъ. Старецъ исполнилъ его просьбу и они отправились.

Кирилль и Марія очень обрадовались старцу и хотѣли его угостить, но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, старецъ открылъ передъ Вареоломеемъ книгу и сказалъ:

— Читай!

Вареоломей сталъ отговариваться, сказалъ, что почти совсѣмъ не умѣетъ читать, и почти даже вовсе не знаетъ азбуки, но старецъ приказалъ ему и вдругъ, къ изумленію своему и родителей, мальчикъ зачиталъ такъ, точно всю книгу зналъ наизусть. Родители сразу поняли, что этотъ старецъ былъ святой, угостили его и, когда онъ собрался уходить, то они вышли проводить его до воротъ. Выйдя за ворота, старецъ вдругъ сдѣлался невидимъ, а Кирилль и Марія въ удивленіи возвратились въ домъ.

— Это ангелъ въ образѣ старца... сказалъ Кирилль. — Онъ не даромъ насъ посѣтилъ.

Съ этого дня Вареоломей сталъ учиться на-диво. Онъ скоро догналъ и обогналъ своихъ сверстниковъ и скоро усвоилъ себѣ все Священное

писаніе, которое составляло тогда главный предметъ обученія.

Но мальчикъ не отличался рѣзвостью, какъ другіе, съ которыми ему приходилось расти. Онъ былъ тихъ, скромнъ, рѣдко улыбался, много молился, не ѣлъ вовсе мясной пищи. Родители упрекали его въ этомъ, но онъ просилъ ихъ не понуждать его и скоро они ему уступили.

Но вотъ Вареоломею исполнилось 15 лѣтъ. Тогда всю Русью владѣли Татары и дѣлали съ русскими, что хотѣли. Съ другой стороны и сами русскіе князья враждовали между собою, ходили другъ на друга войной, такъ что мирнымъ гражданамъ жилось не легко. Иногда-же князья присылали въ города своихъ правителей, которые притѣсняли народъ и старались нажить на его счетъ. И вотъ, всѣ эти бѣдствія свалились и на Ростовъ. Татарское иго, притѣсненія правителей и полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ заставили боярина Кирилла со всей своей семьей покинуть Ростовъ и удалиться въ маленькій сосѣдній городишко Радонежъ. Тамъ они получили порядочный земельный участокъ и стали заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Имъ помогали ихъ старшій сынъ, который недавно женился, и Вареоломей. У старшаго сына Стефана скоро появилась своя собственная семья и престарѣлые родители оказались на рукахъ у одного Вареоломея.

Однажды, улучивъ удобную минуту, Вареоломей сталъ ихъ просить:

— Отпустите меня въ монастырь... Я хочу постричься въ монахи.

— А кто-же будетъ кормить насъ? отвѣтилъ ему отецъ.—Я и твоя мать уже старики, а у брата твоего Стефана своя большая семья... На кого ты насъ оставишь?

Юноша согласился съ ними и сталъ ревностно за ними ухаживать.

Но вотъ Кириллъ и Марія почувствовали скорую кончину. По тогдашнему обычаю большинство благочестивыхъ людей передъ смертью по-

стригалось въ монахи, чтобы войти въ царство небесное; постриглись и они и вскорѣ умерли и были погребены въ ближайшемъ Хотьковомъ монастырѣ. Юноша поплакалъ, а затѣмъ покинулъ отцовскій домъ и, убѣдивъ и брата своего Стефана слѣдовать за собою, отправился вмѣстѣ съ нимъ въ непроходимую глушь за десять верстъ отъ Хотькова монастыря и здѣсь оба они рѣшили спастись. Поступать въ монахи Вареоломей уже раздумалъ и рѣшилъ удалиться въ какой-нибудь дремучій лѣсъ и здѣсь среди тяжкихъ лишеній, вдали отъ людей и отъ шумнаго

свѣта, поработать Богу для своей души. Они пришли въ дѣвственный, дремучій лѣсъ, до котораго не касалась еще ни одна человѣческая рука и, помолившись, принялись за дѣло.

Застучали топоры, заскрипѣли пилы, рухнули въковыя деревья и братья принялись расчищать въ лѣсу мѣсто и строить для себя домикъ и маленькую церковь. Съ большими трудами они выстроили ихъ, посвятили церковь въ

Кого-то увидали.

честь Святой Троицы и отправились въ Москву къ митрополиту просить его разрѣшенія служить въ ней. Митрополитъ послалъ къ нимъ священника, онъ освятилъ ихъ церковь и такимъ образомъ въ дремучемъ лѣсу появился маленький скитъ. Это было въ 1340 году и изъ этого крошечнаго скита впоследствии образовалась знаменитая въ Россіи Троице - Сергіевская Лавра.

Осуществивъ свою мечту — уйти отъ міра и спастись въ пустынь, Варѣоломей ревностно принялся за духовные подвиги. Братъ его Стефанъ не выдержалъ подвижнической жизни и оставивъ Варѣоломея одного, ушелъ въ Москву и тамъ постригся въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Варѣоломей остался совершенно одинъ. Въ дремучемъ лѣсу, одинъ на одинъ съ природой и съ самимъ собой, Варѣоломей сталъ приготовляться къ иноческой жизни. Только испытавъ себя въ великихъ трудахъ и приучивъ себя къ строгому исполненію монастырскихъ правилъ, онъ рѣшилъ наконецъ постричься въ монахи.

Такъ бабушка читаетъ книгу.

Однажды въ дремучій лѣсъ къ Варѣоломею зашелъ нѣкій игумень Митрофанъ. Варѣоломей попросилъ его постричь его въ монахи и тотъ постригъ его. И сталъ вмѣсто Варѣоломея монахъ Сергій. Когда Митрофанъ ушелъ отъ него, Сергій сталъ подвизаться еще болѣе: онъ подолгу постился, нарочно лишалъ себя сна, много трудился, безъ малѣйшаго ропота переносилъ лѣтнія жары и зимнюю стужу, когда отъ жестокихъ

морозовъ трескалась земля. Онъ ходилъ все въ одной и той же одеждѣ, такъ какъ у него не было другой. Дикихъ звѣрей онъ не боялся; онъ не трогалъ ихъ, не трогали его и они. Прибѣгали къ нему стаи дикихъ волковъ, посѣщали его медвѣди, но со всѣми ими онъ обходился ласково и дѣлился съ ними тѣмъ, чѣмъ могъ. Однажды его навѣстилъ огромный медвѣдь. Сергій вынесъ ему хлѣба и положилъ на пенёкъ. Медвѣдь съѣлъ хлѣбъ и удалился. Съ тѣхъ поръ медвѣдь сталъ приходить къ нему чуть не каждый день и такъ привязался къ нему, что сталъ слушаться каждаго его слова.

Между тѣмъ слава о подвигахъ Сергія стала распространяться повсюду; это было странно, такъ какъ онъ жилъ совершенно одиноко и никого не принималъ. Заговорили о его подвигахъ, воздержаніи и трудахъ, разнеслись слухи о его незлобii и простотѣ—и вотъ стали къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ люди. Одни просили у него совѣта, другіе поручали себя его молитвамъ, третьи хотѣли послушать его поученій. И всѣхъ онъ принималъ ласково и никому не отказывалъ въ просьбѣ. Нѣкоторые даже рѣшили поселиться вмѣстѣ съ нимъ навсегда. И вотъ вокругъ Сергія набралось двѣнадцать человѣкъ, которые выстроили себѣ двѣнадцать келлій и поселились въ нихъ. Сергій обнесъ всѣ эти келліи и свою вмѣстѣ съ церковью заборомъ и такимъ образомъ получился монастырь.

Прослышалъ о Сергіи и его братъ Стефанъ и пришелъ изъ Москвы поклониться ему. Вмѣстѣ съ собой онъ привелъ къ Сергію и сына своего юношу—Федора. Федоръ такъ плѣнился монастырькомъ своего дяди, что остался въ немъ навсегда и сталъ писать въ немъ иконы. Такъ у новаго монастыря явился свой иконописецъ.

Послѣ этого всѣ братья - иноки стали просить Сергія принять на себя санъ игумена и начать управлять монастыремъ. Послѣ долгихъ отказовъ Сергій уступилъ наконецъ просьбамъ своихъ сожителей, отправился въ городъ Переславль - Залѣсскій и тамъ епископъ Афанасій посвятилъ его во игумена.

И въ дикой пустынѣ появился теперь настоящій монастырь, съ игуменомъ, братіей и иконописцемъ. И сталъ этотъ монастырь называться Обителью Пресвятой Троицы.

Между тѣмъ въ обитель стали стекаться богомольцы, которые по мѣрѣ силъ своихъ приносили Сергію свои пожертвованія. Одинъ изъ нихъ, смоленскій архимандритъ Симеонъ, принесъ ему даже все свое очень значительное имущество. Всѣ эти пожертвованія употреблялись на построение храма и на улучшение обители. Но жизнь братіи, въ общемъ, протекала крайне просто и бѣдно. Часто во всей обители нечего было ѣсть; не хватало муки даже на печеніе просфоръ; не служили обѣдни только потому, что негдѣ было взять

краснаго вина; обходились вовсе безъ ладона; за отсутствіемъ масла вмѣсто лампадъ и восковыхъ свѣчей зажигали простую лучину; причащались изъ деревянной чаши; священническое облаченіе было сшито изъ простой дерюги, изъ которой теперь шьютъ мѣшки; богослужебныя книги, за отсутствіемъ бумаги, писали на березовой корѣ; при этомъ никто изъ иноковъ не смѣлъ выходить изъ монастыря. И все это исполнялось охотно, безъ всякаго ропота, потому что всѣ знали, что создаютъ для родины монастырь, а для себя — путь къ самосовершенствованію.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Жизнь подвижниковъ не осталась незамѣченной и вотъ, многіе люди, приходившіе на поклоненіе къ Сергію и не имѣвшіе возможности поступить къ нему въ качествѣ иноковъ въ монастырь, стали селиться вокругъ монастыря. Они рубили деревья, строили изъ нихъ избы—и вокругъ монастыря скоро появился цѣлый посадъ. Къ этимъ посадскимъ стали пріѣзжать ихъ родичи и знакомые и въ то время, какъ росъ и украшался монастырь, росъ и развивался посадъ.

Но какъ ни была велика слава Сергія, онъ оставался и теперь все тѣмъ-же простымъ и смиреннымъ инокомъ, какимъ былъ и прежде. Все такъ-же продолжалъ онъ носить дешевую, ветхую одежду, испещренную заплатами, все такъ-же утруждалъ себя подвигами и по-

стомъ. Но слава мірская была не по душѣ его; однажды онъ вышелъ изъ своего монастыря тайкомъ и скрылся. Долго искала его братія и наконецъ нашла: онъ удалился въ еще болѣе дикое мѣсто, верстъ за шестьдесятъ, и тамъ, вдали отъ людей, основалъ свой новый монастырекъ и сталъ подвизаться въ одиночествѣ. Часть его иноковъ перешла къ нему туда, а другая часть осталась въ Троицкой обители. Оставшіеся долго гонимы были безъ Сергія и, наконецъ, рѣшили обратиться къ митрополиту Алексію, чтобы онъ убѣдилъ его возвратиться обратно. И только благодаря усиленнымъ просьбамъ митрополита, Сергій снова появился въ своей прежней обители, гдѣ уже его ни на одинъ день не оставляли богомольцы одного.

Прослышалъ объ немъ и Московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, впослѣдствіи Донской.

Русь постигло тяжкое бѣдствіе. Изъ степей Средней Азіи появились полчища татаръ, завоевали Русь и осѣли на всей русской землѣ. Они обложили всѣхъ данью и ихъ чиновники-баскаки рыскали по всѣмъ городамъ и селамъ, грабили народъ и кто не могъ откупиться отъ нихъ деньгами, того они просто уводили въ плѣнъ. Это обижало русскихъ и часто они избивали въ досадѣ татарскихъ чиновниковъ или же отказывались платить татарамъ дань. Къ тому-же и русскіе князья часто враждовали между собою и ѣздили

къ татарскому хану жаловаться одинъ на другого. Эти-то распри князей и неповиновеніе русскихъ татарамъ и служили часто поводомъ къ тому, что татары снимались съ насиженныхъ мѣстъ и всею ордою устремлялись на какую-нибудь область Россіи и предавали на своемъ пути все огню и мечу и тысячами уводили плѣнныхъ. Такъ татары властвовали уже болѣе полтора ста лѣтъ и, живи наши князья дружиѣ и сплоченнѣе, быть можетъ, они и дали-бы имъ отпоръ. Но князья враждовали между собой, а татары дѣлались все сильнѣе и беззастѣнчивѣе. Понимая всю силу объединенія, московскіе князья стали присоединять къ Москвѣ сосѣднія княжества и вдругъ стали сильнѣе всѣхъ остальныхъ князей. Князь - же Дмитрій Іоанновичъ почувствовалъ себя уже такимъ сильнымъ, что рѣшилъ даже вступить съ татарами въ борьбу. Это не понравилось татарскому хану Мамаю и вотъ онъ рѣшилъ двинуться походомъ на Москву.

Князь собралъ поскорѣе войско, и поскакалъ въ Троицкую обитель, чтобы попросить совѣта у игумена Сергія и поступить такъ, какъ скажетъ онъ.

— Отче, обратился къ Сергію князь, ханъ Мамай двинулъ на мою отчину всѣ свои полчища, чтобы истребить русской народъ. Помолись, чтобы Богъ избавилъ насъ отъ этой великой бѣды!

Сергій ободрилъ его и сказалъ:

— Иди, господинъ, и не бойся. Богъ тебѣ поможетъ противъ безбожныхъ татаръ. Ты ихъ побѣдишь!

Князь обрадовался этимъ его словамъ и отъ умиленія сталъ плакать.

Въ то время въ обители у Сергія спасались два инока — Александръ Пересвѣтъ и Андрей Ослябя. Оба они еще до поступленія въ монастырь были воинами и не разъ сражались въ бояхъ. Благословивъ еще разъ князя Дмитрія, игумень Сергій далъ ему ихъ въ спутники и отпустилъ ихъ сражаться съ врагами. Это очень ободрило князя и придало ему силъ. Онъ возвратился къ своимъ войскамъ, передалъ имъ благословеніе Сергія, воодушевилъ ихъ и выступилъ съ ними противъ татаръ. По дорогѣ къ нему стали присоединяться другіе русскіе и вотъ къ 7 сентября всѣ русскіе, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Іоанновича, достигли рѣки Дона въ нынѣшней Тульской губ. и расположились на Куликовомъ полѣ. Татары надвигались, какъ грозовая туча. Уже слышны были ихъ крики и ревъ и ржанье ихъ верблюдовъ и лошадей. Дрогнули сердца русскія! Утромъ 8-го сентября къ войскамъ вдругъ неожиданно приходитъ посланецъ игумена Сергія Нектарій и передаетъ князю новое благословеніе и письмо, въ которомъ Сергій предрекаетъ князю побѣду. Вѣсть объ этомъ быстро обходитъ всѣ русскія войска и они безбоязненно начинаютъ ожидать непріятели.

Но вотъ Мамай уже близко. Онъ

ВЕСНЯНКА.

Allegretto.

Муз. А. К. Чертовой.

Слова народной пѣсни.

1 й голосъ.

Вес-на вес-на крас-на-я, при-ди, вес-на съ ра-до-стью, съ ве-ли-ко-ю ми-ло-стью.

Хоръ или аккомпаниментъ.

съ ве-ли-ко-ю ми-ло-стью, со-льномъ вы-со-кимъ, съ кор-немъ глу-бо-кимъ,

съ хлѣ-бомъ о-биль-нымъ. При-ди, вес-на крас-на-я! При-ди, вес-на крас-на-я!

высылаетъ впередъ своего силача Телебея и предлагаетъ кому-нибудь изъ русскихъ помѣряться съ нимъ силою. Всѣ молчатъ. Никто не можетъ принять вызовъ. Какъ вдругъ изъ рядовъ русскаго войска выступаетъ инокъ Пересвѣтъ и говоритъ:

— Я буду драться съ тобою!

И прошившись съ Ослябей и съ княземъ, инокъ Пересвѣтъ бросается

на Телебея, вступаетъ съ нимъ въ бой, убиваетъ его, но и самъ падаетъ мертвымъ. Эта побѣда инока надъ татарининомъ воодушевляетъ русскія войска, они бросаются въ бой и на голову разбиваютъ татаръ. Мамай бросаетъ свой шатеръ и обращается въ бѣгство.

А что же дѣлаютъ въ это время въ Троицкой обители? Тамъ игумень

Сергій съ братіей стоитъ все время на молитвѣ и проситъ у Бога побѣды для князя. Духомъ весь монастырь вмѣстѣ со своимъ княземъ за едино и въ то время, какъ князь мечомъ куетъ независимость Руси отъ ино-племенниковъ, Сергіева обитель своими молитвами служитъ тому же дѣлу. Князь, народъ и обитель сообща спасаютъ русскую землю и отстаиваютъ ея цѣлость.

Проживъ много лѣтъ, игумень Сергій достигъ глубокой старости. Онъ умеръ почти восьмидесяти лѣтъ. За шесть мѣсяцевъ до своей кончины онъ призвалъ къ себѣ всю свою братію и поручилъ ее своему ученику Никодиму, котораго самъ назначилъ игуменомъ надъ основанной имъ обителью. Затѣмъ къ осени Сергій захворалъ, пересталъ разговаривать со всѣми и сталъ готовиться къ смерти. Передъ самымъ концомъ онъ снова призвалъ къ себѣ иноковъ и въ послѣдній разъ обратился къ нимъ съ поученіемъ, умоляя ихъ жить въ мирѣ и согласіи, наблюдать умѣренность во всемъ, быть смиренными и любить всѣхъ и другъ друга.

— Я отхожу къ призывающему меня Богу,—сказалъ онъ имъ,—и поручаю васъ Ему и Его Пречистой Матери.

Затѣмъ его причастили. Принявъ Святыя Тайны, онъ воздѣлъ свои руки

и тихо, съ молитвой, скончался. Это было 25 сентября 1392 года. Православная церковь причислила его къ лику святыхъ и память его празднуется ежегодно 5 іюля.

Лишившись своего великаго игумена, Троице-Сергіева обитель не переставала расширяться и украшаться и достигла наконецъ пышнаго блеска подъ названіемъ Троице-Сергіевской Лавры. Вмѣсто деревянныхъ келлій и деревянной церкви, въ ней появились громадныя каменные храмы, заблеставшіе своими золочеными главами; поднялась высокая колокольня, появились высокія каменные стѣны съ башнями и бархатный звонъ могучихъ колоколовъ сталъ далеко разливать по воздуху свой призывъ къ церковнымъ службамъ. Милліоны богомольцевъ стали стекаться къ Лаврѣ со всѣхъ сторонъ нашей обширной Россіи и при взглядѣ на эти каменные громады Лавры, на это многолюдство ея посѣтителей и на этотъ, полный торговой жизни посадъ, который цѣлымъ городомъ развернулся вокругъ стѣнъ монастыря, какъ-то даже и не вѣрится, что когда-то здѣсь былъ дремучій, непроходимый лѣсъ, гдѣ бѣгали одни лишь волки, да нѣкогда приходилъ къ святому Сергію его благодарный медвѣдь.

Дѣдушка.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

- 1) Часть экипажа (три слога).
- 2) То, что есть у птицы (два слога).
- 3) То, что растеть у воды (три слога).

Отъ каждого изъ этихъ словъ взять по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ птицу.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Названія какихъ плотничьихъ инструментовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Ночь наступила; во всѣхъ избахъ загорѣлись огни.

2) Возьми съ собой пару банокъ вишневаго варенья!

3) До этихъ-то поръ ты просидѣлъ за работой и ничего не сдѣлалъ! Какъ тебѣ не стыдно?

4) Все такъ и осталось разбросаннымъ; развѣ вы не знаете, дѣти, что послѣ игры надо лото убирать?

5) На колесѣ лопнула шина; сходи въ амбаръ; шинъ тамъ много, какую хочешь, такую и возьми!

6) Около воротъ нашей усадьбы выросъ молодой еловый лѣсокъ.

7) Мальчикъ-торговецъ поскользнулся, упалъ и прямо лотокъ съ огурцами уронилъ въ канаву.

III.

Названія какихъ цвѣтовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Не знаю, чѣмъ вколотить гвозди; камня нѣтъ, а молотокъ позабылъ дома.

2) Отъ ударовъ грома шкафъ съ посудой дрожалъ и всѣ рюмки въ немъ звенѣли.

3) Скоро заиграетъ музыка и начнется представленіе.

4) Мимо завода проходитъ полотно желѣзной дороги.

5) Доколѣ, Андрей, ты будешь себя такъ плохо вести?

6) Непрiятельскій шпионъ былъ пойманъ недалеко отъ укрѣпленій.

7) Свинина и рисъ—вотъ любимыя кушанья китайцевъ.

8) Усердный рыболовъ вмѣсто рыбы вытащилъ изъ рѣки старый башмакъ.

IV.

Задуманы слова, означающія:

- 1) Домашнюю птицу.
- 2) Дерево съ опущенными вѣтвями.
- 3) Часть одежды.
- 4) Первую книжку школьника.
- 5) То, что услаждаетъ нашъ слухъ.
- 6) Деревенскій домъ.
- 7) То, чѣмъ топятъ печи.
- 8) Круглый сладкій овощъ.

Первыя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить новое слово, которое означаетъ то, что осталось до сихъ поръ на берегахъ Нила со временъ Моисея.

Какія это слова?

Наказанный лакомка.

V.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Часть телѣги.
- 2) Часть тѣла позвоночныхъ животныхъ.
- 3) Предметъ, дающій блескъ.

Первая и послѣдняя буквы каждаго изъ этихъ словъ даютъ собою слогъ. Всего, слѣдовательно, выйдетъ три слога. Составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ домашнее животное. Какія это слова и какое домашнее животное?

Разгадка ребуса-загадки, помѣщеннаго въ № 22 «Золотою Дѣтства». Подъ + о + дни + мѣ на вѣ + сомъ че + ты + ребра + сто + ятъ = Подъ однимъ навѣсомъ четыре брата стоятъ, т. е. столъ.

Верныя рѣшенія прислали: Зиночка Синани изъ Харькова, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Вова Пигулевскій, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Варуся и Лена Путилины изъ Бобринца, Женя Стрекоза, Сережа—гимназистикъ, Марина Петрова, Соня Костенко, Саша Селиванова, Ляля Иванова, Ваня Лаврентьевъ, Володя, Лина и Шура Шумахеръ, Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ, Василекъ Бондаревъ, Сережа Жолтиковъ и многие другіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Это уже послѣдній номеръ «Золотою Дѣтства» за текущей годъ. Не забудьте, что съ 1-го ноября начинается новый подписной годъ, съ новыми приложеніями, съ новымъ большимъ интереснымъ романомъ для дѣтей и съ массой рисунковъ и сказовъ.

Годъ изданія третій.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1910 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепiano.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) **Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.**
- 13) **12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.**
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложения.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

Продолжается подписка на журналъ „Золотое Дѣтство“ на текущій 1909 годъ.
Программа журнала: Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, игры, занятія, статьи изъ жизни животныхыхъ, растений, птицъ и дѣт.
Подписная цѣна: на годъ—3 р. 80 к., на полгода—1 р. 90 к., Пята съ доставкой и пересылкой.
Адресъ Редакціи: СПб., Матвѣевская ул., 3.

